

В.А. Саблин

Вологодский государственный университет

ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ В СЕВЕРНОЙ ДЕРЕВНЕ В ПЕРИОД АГРАРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917–1918 гг.

Статья посвящена формированию в деревне Европейского Севера России земельных комитетов и их реорганизации в структурные подразделения низовых Советов. Показана роль земельных органов в процессе формирования нового аграрного строя. Изучена политическая обстановка на Европейском Севере страны в эти годы. Отмечена роль низового земельного аппарата в ходе масштабного передела земли в 1917–1918 гг.

Земельные комитеты, земельные отделы Советов, аграрная революция, партия большевиков, партия социалистов-революционеров (эсеров), национализация земли, уравнительный передел.

Аграрная революция, в короткий срок приведшая к смене поземельных отношений в России, являлась ярчайшим примером стихийного нормотворчества деревенских масс, при этом сочетавшим в себе и важнейшие элементы институирования формирующегося нового аграрного строя.

В статье рассматривается процесс создания земельного аппарата в 1917–1918 гг. на Европейском Севере России, в Архангельской, Олонецкой, Вологодской и выделившейся из нее летом 1918 г. Северодвинской губерниях. Осуществление в этом регионе аграрных преобразований имело свои особенности и во много определялось своеобразием социально-экономических отношений, характером землепользования, национального состава населения, политической обстановки.

Всероссийское Временное правительство, пришедшее к власти после падения монархии в феврале 1917 г., учреждает земельные комитеты, на плечи которых планировалось возложить все вопросы подготовки законопроектов масштабной земельной реформы к Всероссийскому Учредительному собранию, изучение своеобразия хозяйственных условий, и выработку приемлемых методов решения аграрного вопроса. Историки в основном единодушны в оценках состава и структуры земельных комитетов, начиная Главного земельного комитета, созданного 21 апреля 1917 г., заканчивая губернскими, уездными и волостными, как органов, отражающих демократическую стадию Великой Российской революции. Общим мнением является и то, что низовые земельные комитеты с лета 1917 г. фактически инициировали аграрный переворот, возглавив начавшийся стихийный передел земли и ликвидацию земельной собственности [9]. В Вологодской губернии, земельные комитеты были организованы в 200 волостях из 282, и аграрное движение отличалось здесь наибольшим динамизмом среди всех губерний Европейского Севера [3, с. 302–3012]. Политическое руководство земельными комитетами, начиная с Главного земельного комитета, стремилась осуществлять партия эсеров – самая влия-

тельная партия в крестьянской стране. 19 и 20 августа 1917 г. эсеровская редакция «Известий Всероссийского Совета крестьянских депутатов» опубликовала Примерный наказ о земле, составленный на основе 242 наказов, привезенных с мест делегатами I Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов (май 1917 г.), как своего рода проявление воли многомиллионного российского крестьянства. Основу Наказа составляли требования безвозмездной отмены частной собственности на землю и обращения ее в общенародное достояние, с последующим использованием на уравнительных началах. Заведование землей предлагалось передать в руки земельных комитетов.

На Европейском Севере в условиях катастрофического малоземелья интересы мелкого крестьянского двора приходили во все большее противоречие с интересами государства – главного земельного собственника в регионе. Одновременно растет напряжение в отношениях общинной деревни с немногочисленным слоем частных владельцев земли (помещиками, хуторянами и отрубниками). По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. средний размер землевладения, приходящийся на одно частновладельческое хозяйство в Архангельской губернии, был даже несколько ниже показателя обеспеченности землей общинных дворов (4,4 дес. против 5,1 дес.), в Олонецкой губернии он, наоборот, превосходил в несколько раз площадь крестьянских наделов (1248,4 дес. против 37,4 дес.). Важнее, однако, сопоставить распределение земли в целом между крестьянами и частными владельцами. Если в Олонецкой губернии в частном владении находилось 33,9% земли, то в Архангельской лишь 7,6%. Такое положение явилось следствием постепенного роста крестьянского землевладения за счет частновладельческих и казенных земель путем покупки земли у помещиков непосредственно или через Крестьянский банк, в небольшой степени – за счет казенной земли, поступившей к крестьянам в виде дополнительных наделов в ходе дореволюционного землеустройства. Данный вывод находит подтверждение в результатах ретроспективного

сопоставления объемов крестьянской и частновладельческой земли за 1887–1917 гг. По данным частичного земельного обследования, проведенного ЦСУ РСФСР в 1922 г., в регионе из каждых 100 десятин частной и крестьянской земли на собственно крестьянские земли в 1887 г. приходился 71%, а на владельческие – 29%, в 1905 г. эта пропорция составляла 86% и 14%, в 1917 г. – 94% и 6% [1, с. 13].

Такая специфика поземельных отношений в регионе нашла свое отражение в характере крестьянских представлений о путях справедливого решения аграрного вопроса. Достаточно емко эту специфику иллюстрируют ответы крестьян на вопросы специальных анкет, проводимых в июле–августе 1917 г. губернскими земельными комитетами с целью конкретизации «Общего плана деятельности комитетов по подготовке земельной реформы», составленного Главным земельным комитетом. В Вологодской губернии анкета носила название «Вопросник к разрешению земельной реформы в Вологодской губернии». В распоряжении исследователя имеется всего 42 заполненные анкеты, которые все же позволяют получить представление об изначальном характере крестьянских требований в аграрной революции [7, с. 26–37]. Примечательно то, что сам характер вопросов понуждал респондентов к оценке ими аграрных проблем в масштабах государства. Поэтому полученные данные во многом тождественны сводному крестьянскому Наказу о земле, что еще раз подтверждает его общекрестьянский характер (по крайней мере, соответствует мнению общинной части сельского социума). Тем не менее, региональная специфика крестьянских требований в них прослеживается довольно рельефно. Абсолютным представлялось требование упразднения частной собственности на землю во всех ее видах. Примечательно, что наиболее радикально предлагалось решить судьбу частных земель, сдававшихся в аренду (в условиях региона это, как правило, помещичьи земли). Бесспорным в глазах крестьянства выглядело и требование конфискации «владельческого» сельскохозяйственного инвентаря. В силу своеобразия взаимоотношений крестьянских сообществ с «казной» и «уделом» логичным выглядело требование передачи заведования лесами в руки народа или крестьянских организаций (80% ответов).

Наиболее предпочтительной формой землепользования признавалось общинное пользование (деревня была единодушна в неприятии артельного земледелия), при этом в большинстве ответов содержалось предложение о бессрочном переделе земли (58–60% ответивших) по трудовой или, реже, потребительской норме. Своеобразный общинный эгоизм проявлялся в отказе в наделении землей приписного и живущего на стороне населения (52% и 59% ответов).

В соседнем с Вологодской губернией Шенкурском уезде Архангельской губернии аналогичная анкета «О желательности направления земельной реформы» вызвала живейший интерес крестьянства. Сводный анализ ответов на нее был опубликован уже в 1918 г.¹ Мнение шенкурских крестьян о реформе практически не расходилось с мнением вологжан. Отличием

являлось то, что уезд был единодушен в признании прав на землю только за приписным населением, и то, что шенкурская деревня категорически высказалась за недопустимость отвода земли под хутора и отруб. Существовавшие в уезде 254 хуторских двора предлагалось немедленно свести в общинный пай. Так, уже в июне 1917 г. первый уездный крестьянский съезд вынес резолюцию «за скорейшее уничтожение злейшего врага крестьянина – столыпинского землеустройства» [5, с. 30].

Все вышесказанное объясняет тот факт, что уже в марте 1917 г. на Европейском Севере отмечены выступления крестьян, направленные на разгром помещичьих усадеб, раздел хуторов и удельных земель. Массовый характер приняли самовольные порубки в казенных лесах. К осени 1917 г. стихия «черного передела» затронула даже самые глухие селения северных губерний. Формы и методы его проведения достаточно хорошо освещены в советской литературе. Они мало чем отличались от поведения крестьянства других регионов страны. Правда, степень напряжения крестьянской борьбы была здесь гораздо ниже (в течение мая–октября 1917 г. в Архангельской и Вологодской губерниях было зафиксировано всего 14 антипомещичьих выступлений).

Главная причина определенной сдержанности северного крестьянства состояла в том, что государственную деревню всегда отличал разумный практицизм. Как уже отмечалось, надеяться на солидную прирезку частновладельческой земли крестьянин не мог. Здесь фактически исчез слой помещиков, в отношении которого крестьяне бывшей крепостной деревни проявляли крайние формы насилия. От аграрной реформы северная деревня ждала не только ликвидации земельной собственности, но, в первую очередь, упорядоченного землепользования и возможной прирезки наделов за счет казенных лесов. Находившиеся под влиянием партии эсеров общественные и исполнительные органы (волостные комитеты, волостные земства, продовольственные комитеты, кооперативы, крестьянские Советы и их исполкомы, земельные комитеты), представлявшие в глазах деревни начала демократической власти, по своему составу были в основном крестьянскими и искренне пытались справедливо решить возникавшие в деревне проблемы. Так, в составе волостных комитетов Вологодской губернии 76% членом являлись крестьянами, во вновь избранных волостных земствах также преобладали крестьяне. Особенно это было заметно в Архангельской губернии, в которой земства создавались впервые в 1917 г.

Вряд ли все же эсеровская аграрная программа целиком определяла поведение крестьян. Ситуация многовластия, граничащая с безвластием и анархией, провоцировала деревню на независимые самостоятельные действия, воспринималась как свобода от всяких обязательств перед государством и обществом. С осени 1917 г. крестьянские выступления стали отличаться большим радикализмом. Связано это было с ростом нетерпения, общей усталостью от неопределенности обстановки и ухудшения экономической ситуации.

Последующий ход революции привел к свержению Временного правительства в октябре 1917 г. и приходу к власти партии большевиков во главе с В.И. Лениным. Среди первых законов новой власти, принятых на II Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, был Декрет о земле, ос-

¹ Вестник земельно-лесного дела. 1918. № 10. С. 22–28.

нову которого составил опубликованный эсерами в августе 1917 г. Примерный наказ о земле, включенный в текст Декрета без единой поправки.

Согласно Декрету решение земельных вопросов возлагалось на низовые советские органы. Поскольку Советы в то время существовали далеко не везде, новое правительство решает использовать созданные повсеместно земельные комитеты, предварительно переизбрав их. Деятельность низовых земельных комитетов должна была строиться по принципу строгой согласованности с работой Советов там, где они были, и вышестоящих земельных комитетов. В качестве временной инструкции для волостных земельных комитетов советское правительство решило в этот период использовать резолюцию I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов от 23 июня 1917 г. Предлагалось избрать низовые земельные комитеты на основе всеобщего, прямого, равного избирательного права при тайном голосовании. Все распоряжения земельных комитетов, утвержденные уездными Советами крестьянских депутатов, получали силу закона и должны были безусловно и немедленно проведены в жизнь².

13 декабря 1917 г. было опубликовано утвержденное Советом народных комиссаров 4 декабря 1917 г. «Положение о земельных комитетах и об урегулировании ими сельскохозяйственных отношений»³. По этому закону на обязанности волостных земельных комитетов лежало приведение в исполнение постановлений по земельным делам «центральной власти» и вышестоящих земельных комитетов, выполнение поручений вышестоящих земельных комитетов по собиранию необходимых для земельной реформы сведений, составлению соображений и заключений по вопросам реформы и выполнении действий, необходимых для нее подготовительных действий.

Губернским и уездным комитетам предписывалось произвести учет всех земель и сельскохозяйственного инвентаря, изъять их из владения частных лиц, выделять «культурные имения» и охранять их от обесценения, организовывать в них хозяйства, распределять земельный фонд и инвентарь в уравнилельно-трудовое пользование, разрешать земельные споры и др.

Переворот, совершенный большевиками в октябре 1917 г., мало изменил общеполитическую ситуацию в северной деревне. Вместе с тем Декрет о земле был воспринят как некая санкция на самостоятельность действий в аграрном вопросе. Так, например, 27 ноября 1917 г. на совместном заседании Подпорожского волостного земельного комитета Олонецкой губернии с представителями волостных земской и продовольственной управ было принято решение «взять в свое ведение самоуправления волостного земства и земельного комитета все казенные, частновладельческие, крестьянские, церковные, монастырские и удельные земли, как пахотные, покосные и лесные площади на всей территории своей волости, как народное достояние, и быть распорядителями до введения нормальной жизни в законодательном порядке Учредительным собранием не допуская никакого расхище-

ния»⁴. В течение зимы 1917–1918 гг. деревня готовилась к масштабному переделу земли весной 1918 г.

Позиция всех губернских земельных комитетов в крае, занятая ими по отношению к Декрету о земле, определялась в первую очередь все той же расстановкой политических сил в первые месяцы после переворота. В них, как и в большинстве уездных Советов и земельных комитетов, главенствовали меньшевики и правые эсеры, отказавшиеся признать легитимность действий большевиков. Поэтому не случайно вслед за Главным земельным комитетом, занявшим открыто антибольшевистскую позицию и объявившим Декрет о земле незаконным и недействительным [4, с. 58] в начале ноября 1917 г. Архангельский и Вологодский губернские земельные комитеты высказались также за непризнание новой власти⁵. Олонецкая губернская земельная управа разослала на места циркуляр с призывом саботировать аграрные законы Совета Народных комиссаров⁶.

Председатель Олонецкого губернского земельного комитета и член Олонецкой губернской земской управы И.А. Кищенко (1877–1942) прямо заявлял, что «не разделяет совершенно политики современной правительственной власти СНК, что до сего времени он боролся с этой политикой, где как мог и намерен бороться впредь»⁷. Отказавшись признать центральные советские органы Олонецкий губернский земельный комитет на своей III сессии (31 октября – 15 ноября 1917 г.) принимает решение о необходимости «согласовывать свои действия с Олонецким Советом, поскольку он не идет за большевистским правительством»⁸.

Призывам губернских земельных органов последовали Вельский, Усть-Сысольский, Шенкурский, Яренский и некоторые другие уездные земельные комитеты на Севере⁹. Руководство Усть-Сысольского уездного земельного комитета скрыло от населения решения II Всероссийского съезда Советов по земельному вопросу. По сведениям Н.Д. Иванова телеграмма с текстом Декрета о земле была уничтожена [2, с. 23].

Тем не менее, уже в конце декабря 1917 г. – начале 1918 г. были переизбраны уездные комитеты в Сольвычегодске (21 декабря 1917 г.)¹⁰ и Каргополе, началась перестройка волостных земельных комитетов¹¹. В целом по стране этот процесс закончился к февралю 1918 г. [6, с. 126]. Поскольку размежевание большевиков с эсерами завершилось на Европейском Севере в основном весной 1918 г. [10, с. 49–50], реорганизация земельных комитетов замедлилась и проводилась не всегда последовательно.

17 февраля 1918 г. Первый Архангельский губернский съезд рабочих, крестьянских и солдатских депутатов в резолюции по земельному вопросу под-

⁴ Центральный государственный архив Карельской Республики (ЦГА КР). Ф. 108. Оп. 1. Д. 2/17. Л. 139.

⁵ Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 105. Оп. 16. Д. 1. Л. 11; Государственный архив Вологодской области (ГВАО). Ф. 267. Оп. 1. Д. 4. Л. 19.

⁶ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 478. Оп. 6. Д. 815. Л. 3 об.

⁷ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 813. Л. 56 об. – 57.

⁸ ЦГА КР. Ф. 108. Оп. 1. Д. 2/16. Л. 10 об.

⁹ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 589. Л. 37 об.

¹⁰ Великоустюгский Центральный архив (ВЦА). Ф. Р-54. Оп. 1. Д. 8. Л. 96.

¹¹ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 589. Л. 17 об.

² Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 35. С. 68.

³ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 221–224.

черкнул, что «вся земля, весь лес, недра и воды обрастают во всенародное достояние. Заведование и непосредственное распоряжение ими принадлежит земельным комитетам, которые должны действовать на основе положения, изданного Советом Народных Комиссаров»¹². 28 февраля 1918 г. открылось заседание IV сессии губернского земельного комитета, на котором был решен вопрос о реорганизации земельных органов в губернии¹³. Основываясь на решениях губернского съезда Советов, предписывалось переизбрать губернский и уездные комитеты в полном соответствии с Положением от 13 декабря 1917 г. Состав волостных земельных комитетов был изменен. Число членов в них по сравнению с Положением заметно увеличивалось¹⁴.

По имеющимся данным, к весне 1918 г. переизбрание и реорганизация земельных комитетов в Архангельской губернии была осуществлена лишь в Онежском, Кемском и частично в Шенкурском уездах. В остальных – наряду с перевыборами земельных комитетов предстояло заново создать земельный аппарат в целом ряде волостей. К примеру, в Мезенском уезде в 30% волостей земельные органы к тому времени вовсе не создавались¹⁵.

Структура вновь созданных органов была довольно разветвленной. Например, при губернской земельной управе были созданы секретариат, бухгалтерия, плановый архив, хозяйственное делопроизводство, а также 13 специальных отделов: административно-организационный, литературный, земельной реформы, колонизационный, лесной, лесоустроительный, хозяйственных заготовок, статистико-экономический, водно-промысловый, мелиоративный, землемерный, по разработке недр, агрономический¹⁶.

Земельный комитет Олонецкой губернии всячески противился реорганизации комитетов, яро отстаивая их самостоятельность и прежнюю структуру, находя в этом поддержку со стороны эсеровского руководства губернии. 30 января 1918 г. в Петрозаводске начал работу III Олонецкий губернский съезд крестьянских депутатов. Большевицкая фракция на съезде была представлена 44 депутатами (28,4%). Съезд высказался за передачу власти Советам, подчеркнув, что «никакого Учредительного собрания, кроме Советов, быть не может»¹⁷. На «соединенном» заседании земельной комиссии съезда и губернского земельного комитета было принято Положение «О желательности направления земельной реформы в Олонецкой губернии в связи с ее особенностями»¹⁸, но вопрос о перевыборах земельных комитетов в губернии не рассматривался до конца февраля 1918 г. Все же когда он был

поставлен в повестку дня IV сессии губернского земельного комитета (21 января / 8 февраля), земельная управа сделала все возможное, чтобы свести на нет требования Положения СНК от 4 декабря 1917 г. Было принято решение «о самостоятельности земельных комитетов, как чисто крестьянских организаций». Мало того, провозглашалось право «референдума по земельному законодательству». Вопрос о передаче того, или иного «центрального закона» на референдум должен был решаться губернской земельной управой и исполкомом Совета крестьянских депутатов¹⁹.

Сессия приняла решение не переизбирать волостные комитеты, а лишь пополнить состав губернского и уездных земельных комитетов за счет членов исполкомов Советов вместо представителей земства, «в случае его упразднения»²⁰. В свою очередь структура губернского и уездных земельных комитетов слегка перестраивалась. Отныне уездный земельный комитет должен был состоять из отделов земельного, лесного, трудовой кооперации и общего. Губернский соответственно – земельного, лесного, трудовой кооперации, общего и технического (землемерие и гидротехника). Агрономическая часть входила в состав земельного отдела. Все другие специалисты приглашались в земельный комитет по мере надобности²¹. Состав губернской земельной Управы был увеличен с 3 до 5 членов. На сессии принимается решение о делегировании А.Т. Королева в Главный земельный комитет при ВЦИКе²².

Примечательно, что для укрепления своих позиций Олонецкий губернский земельный комитет апеллировал к авторитету разогнанного большевиками Учредительного собрания и принятого 27 января 1918 г. ВЦИК и СНК РСФСР «Основного закона о социализации земли». В опубликованной земельным комитетом «Временной инструкции земельным комитетам Олонецкой губернии о порядке принятия в свое ведение всех земель, лесов, вод и недр и распоряжения ими» отмечалось: «С принятием пятого января сего 1918 года Всероссийским Учредительным Собранием первых десяти пунктов основного закона о земле и утверждением и опубликованием основного закона о социализации земли, Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом Совета Крестьянских, Рабочих и Солдатских Депутатов с другой, право собственности на землю в пределах Российской Республики отменено и все земли со всеми их недрами, лесами и водами объявлены общенародным достоянием, а распоряжение этими землями, недрами, лесами и водами предоставлено центральным федеративно-областным органам и органам местного самоуправления»²³.

Уже принятые решения губернский земельный комитет не спешил проводить в жизнь. Только после того, как низовые Советы начинают самостоятельно преобразовывать земельные комитеты, губернская земельная управа была вынуждена послать 6 апреля 1918 г. циркуляр о выборах «на ближайшем сельском сходе» членов волостных земельных комитетов. При этом реорганизация уездных земельных комитетов

¹² Борьба за установление Советской власти на севере. Сборник документов. Архангельск, 1959. С. 161.

¹³ Вестник Архангельского губернского земельного комитета. 1918. № 1. С. 3.

¹⁴ Положения, принятые IV сессией Архангельского губернского земельного комитета. Архангельск, 1918. С. 11–13.

¹⁵ Вестник Архангельского губернского земельного комитета. 1918. № 1. С. 27.

¹⁶ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 61. Л. 110.

¹⁷ Борьба за установление и упрочение Советской власти в Карелии. Сборник документов и материалов. Архангельск, 1959. С. 152.

¹⁸ Известия Олонецкого губернского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. 1918. 28 марта.

¹⁹ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 813. Л. 50, 52 об.

²⁰ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 813. Л. 53.

²¹ ЦГА РК. Ф. 108. Оп. 1. Д. 3/19. Л. 21–22.

²² ЦГА РК. Ф. 108. Оп. 1. Д. 2/18. Л. 246–246 об.

²³ ЦГА РК. Ф. 108. Оп. 1. Д. 3/19. Л. 144.

должна была произойти лишь после того, как таковая завершится в волостях. Руководствоваться при этом предлагалось Положением о земельных комитетах от 4 декабря 1917 г. и журнальным постановлением 4 сессии губернского земельного комитета от 21 января / 8 февраля 1918 г.²⁴ Затянувшееся решение этого вопроса привело к тому, что в губернии 15% волостных земельных комитетов сохранили свою изначальную структуру до июня 1918 г. Данный вывод основан на анализе сведений волостных земельных отделов, посылаемых в губернских земельных отдел Олонецкого губисполкома, в ответ на его запрос от 6 июля 1918 г. Автору удалось обобщить полученные сведения по 7 уездным и 82 волостным отделам, что составляло 70% всех земельных органов губернии²⁵.

Обособленное от Советов, хотя и под их руководящим влиянием, функционирование земельных комитетов и после реорганизации вряд ли устраивало власть. В этом качестве они не могли быть использованы в полной мере для реализации аграрной политики. С другой стороны, сосредоточив основное внимание на вопросах учета и распределения земель и исчерпав свои задачи, они стали непригодны для проведения последующих земельных преобразований. Уже в декабре 1917 г. Народный комиссариат внутренних дел принял специальную инструкцию по организации Советов рабочих и солдатских депутатов, в которой уже содержались указания о создании земельных отделов Советов. Наибольший размах организация земельных отделов Советов приобрела после опубликования 19 февраля 1918 г. «Основного закона о социализации земли»²⁶. В составе исполкомов Советов начали создаваться земельные органы с гораздо более широкими, чем у земельных комитетов функциями. Таковой орган – первый на Европейском Севере – был сформирован в Вологодском уезде. 29 января 1918 г. исполком Вологодского уездного Совета рабочих и солдатских депутатов принял решение о слиянии волостных и уездного земельного комитетов с Советами и образования при местных Советах земельных отделов. Уездный земельный отдел подразделялся на подотделы: статистический, лесной, культурно-организационный. Во главе отдела стоял комиссар, назначаемый уездным исполкомом из числа его членов²⁷. В конце января 1918 г. в Великоустюгском уезде земельные комитеты были также преобразованы в земельные отделы Советов²⁸.

Решение о слиянии земельных комитетов с Советами в Вологодской губернии и создании при последних земельных отделов было принято на III сессии губернского земельного комитета (5–12 февраля 1918 г.). Во главе отдела создавалась коллегия, которая из своей среды избирала комиссара земельного отдела²⁹. 3 апреля 1918 г. объединенный губернский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов утвердил структуру земельных органов губернии. Губернский земельный

отдел состоял из следующих подотделов: земельно-исполнительного, государственного земельного фонда, переселения, агрономическо-экономического, лесоустроительного, гидротехнического и землемерно-технического. Штат сотрудников утверждался в 116 человек³⁰. Отдел возглавляла коллегия, при которой существовала финансово-хозяйственная и инспекторская части, а также делопроизводство. Заведование коллегией возлагалось на комиссара³¹. Уездные земельные отделы состояли из коллегии во главе с комиссаром и двух подотделов – земельного и лесного. Состав сотрудников утверждался в 16 человек. Волостные отделы организовывались из трех членов коллегии, делопроизводителя, его помощника и сторожа³².

Согласно указанной инструкции были реорганизованы земельные комитеты в уездах. 1–7 апреля 1918 г. был реорганизован Сольвычегодский уездный земельный комитет, а вскоре и земельные комитеты во всех 40 волостях уезда³³. В Яренском уезде примерно в это же время был реорганизован уездный земельный комитет, а в апреле 1918 г. во всех волостях уезда были ликвидированы комитеты и созданы земельные отделы при волысполкомах³⁴. По решению Третьего Никольского уездного крестьянского съезда при уездном исполкоме 16 апреля 1918 г. была сформирована земельная коллегия, а к середине мая земельные отделы были созданы во всех 37 волостях уезда³⁵.

Создание земельных органов при Советах Архангельской губернии началось в апреле 1918 г. 24 апреля приказом комиссара земельно-лесного отдела губисполкома все земельные комитеты переименовывались в земельно-лесные отделы Советов. Земельные управы соответственно в земельные управы земельно-лесных отделов Советов³⁶.

К концу июля 1918 г. земельно-лесные отделы в губернии были переименованы в земельно-лесные комиссариаты. Во главе губернского комиссариата стояла коллегия, включавшая в себя пятерых сотрудников. При коллегии выделялись секретариат, плановый архив, хозяйственное делопроизводство, бухгалтерия, административно-организационный отдел. При комиссариате функционировали: земельный, лесной, лесоустроительный, лесных хозяйственных заготовок, статистико-экономический, водно-промысловый, мелиоративный, землемерно-технический, агрономический и литературный подотделы³⁷.

Провозглашенная в июле 1918 г. реорганизация земельных органов в губернии не была доведена до практической стадии воплощения. 2 августа в Архангельске была свергнута Советская власть. Во многом формальное, преобразование земельных и сохранение структуры бывших земельных комитетов в неизменном виде позволило руководству Верховного Управления Северной области – правительству, созданному в Архангельске после свержения Советской власти,

²⁴ ЦГА РК. Ф. 108. Оп. 1. Д. 3/19. Л. 24–25.

²⁵ ЦГА РК. Ф. 108. Оп. 1. Д. 2/18. Л. 230 об. –231; Д. 8/84. Л. 1–118.

²⁶ Вестник отдела местного управления Комиссариата внутренних дел. 1918. № 4. С. 2, 4.

²⁷ ГАВО. Ф. 267. Оп. 1. Д. 1. Л. 57; Д. 4. Л. 20.

²⁸ ГАВО. Ф. 267. Оп. 1. Д. 1. Л. 91.

²⁹ ГАВО. Ф. 267. Оп. 1. Д. 1. Л. 10–12; Д. 4. Л. 61 об.

³⁰ ГАВО. Ф. 267. Оп. 1. Д. 58. ЛЛ. 4, 6–8 об.

³¹ ГАВО. Ф. 267. Оп. 1. Д. 4. Л. 73.

³² ГАВО. Ф. 267. Оп. 1. Д. 58. Л. 6, 7, 8 об.

³³ ВЦА. Ф. Р-54. Оп. 1. Д. 8. Л. 96 об.

³⁴ ВЦА. Ф. Р-54. Оп. 1. Д. 8. Л. 148.

³⁵ ВЦА. Ф. Р-54. Оп. 1. Д. 8. Л. 30–31.

³⁶ ГААО. Ф. 105. Оп. 5-а. Д. 1. Л. 1.

³⁷ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 3. Д. 61. Л. 76.

уже 15 августа 1918 г. восстановить земельные комитеты в их прежних правах³⁸. Правда, руководствуясь идеями создания всесословной демократической власти, уже через месяц, 14 сентября, архангельское правительство упраздняет земельные комитеты, передав всеземельные дела восстановленным земским органам [8, с. 735–741]. Началу ликвидации земельных комитетов в Олонецкой губернии послужили решения I очередного губернского съезда земельных отделов (5–12 июня 1918 г.)³⁹. Съезду предшествовала довольно упорная борьба с властями Губернского земельного комитета во главе с И.А. Кищенко за самостоятельность земельных комитетов. Объявление о созыве съезда было отправлено на места 30 апреля 1918 г.⁴⁰ К тому времени из имеющихся сведений из 82 волостей губернии в 20% были уже в январе – начале февраля 1918 г. образованы волостные земельные отделы⁴¹. Власти настаивали на ликвидации земельных комитетов. Так уже 31 мая 1918 г. Каргопольский уездный комиссариат земледелия при уездном Совете настаивал на том, что «земельные комитеты, как самостоятельные учреждения существовать не должны, а должны быть отделы при губернском, уездных и волостных Советах»⁴². Тем не менее, И.А. Кищенко в своем докладе «Об объединении деятельности всех земельных органов губернии» попытался убедить съезд в необходимости сохранить самостоятельность земельных комитетов. Отметив, что «в губернии функционирует чуть ли не четыре вида земельных органов – земельные комитеты, земельные отделы при Совдепах, Комиссариаты земледелия и земства», он подчеркивал, что правовые основания для деятельности имеют лишь земельные комитеты, созданные по Положению СНК от 4 декабря 1917 г., а «остальные же этого рода учреждения действуют в лучшем случае по положению, составленному кустарным способом у себя дома, а то и просто без всякого положения, ни в чем никому никаких гарантий не дающих и вносящих своей разногласицей в сложное земельное дело путаницу и хаос». Его призыв сохранить за земельными органами, как бы они не назывались, «полную самостоятельность и независимость в земельных вопросах»⁴³ не был услышан, а ему самому вскоре придется покинуть свой пост.

26 июня 1918 г. состоялось заседание вновь избранной губернской земельной коллегии, на котором была определена новая структура губернского земельного отдела⁴⁴. Отдел состоял из земельного, лесного, кооперации труда, организационного, хозяйственного подотделов и бухгалтерии. Внутри всех подотделов выделялись специальные части: агрономическую, гидротехническую, землемерно-техническую и рыболовство⁴⁵. Преобразование уездных земельных комитетов в земельные отделы в губернии затянулось

и было завершено в июле–августе 1918 г.⁴⁶ Это запаздывание вовсе не означало, что в волостях при Советах земельные отделы не создавались. По нашим подсчетам к июню 1918 г. в 67% волостей Олонецкой губернии работали земельные отделы. В данном случае низовые Советы опережали Центр⁴⁷.

Окончательное завершение процесса реорганизации земельных органов было связано с размежеванием большевиков с левыми эсерами. Возглавлявшие Вологодский и Олонецкий губернские земельные отделы левые эсеры А.А. Садиков и И.В. Курилов были смещены с занимаемых постов в июле–августе 1918 г., а их место заняли большевики⁴⁸.

К концу лета 1918 г. на Европейском Севере действовали 3 губернских земельных отдела, 27 уездных, 620 волостных и 9 городских на правах волостных отделов. Соответственно в Архангельской губернии по данным на конец июля 1918 г. – 10 уездных, 2 городских и 202 волостных⁴⁹, в Вологодской губернии по данным на 5 июня 1918 г. – 10 уездных и 292 волостных⁵⁰, в Олонецкой губернии на конец августа 1918 г. – 7 уездных, 7 городских, 126 волостных земельных отделов⁵¹.

Как видим, созданные органы не были едиными ни по своей структуре, ни по функциям, носили разное название, что в полной мере зависело от степени организации деревенских масс, глубины и степени социально-экономических проблем, вставших перед земельными органами.

Разнобой в организационной структуре земельных органов был преодолен осенью 1918 г. На основе «Временного положения о Комиссариате земледелия, земельных отделах, съездах земельных отделов и инструкторском надзоре Северной области»⁵², принятого в Петрограде I областным съездом земельных отделов и сельскохозяйственных коммун 1–7 октября 1918 г.⁵³ структура губернских и уездных земельных органов была приведена в соответствие со структурой областного Комиссариата земледелия.

Завершившийся в основном к осени 1918 г. «черный передел» земли вскоре потребовал создания при земельных отделах новых структур по упорядочиванию землепользования и землеустройства. При отделах создаются такие подразделения, как технический совет, подотделы земельной политики, коммун, землемерно-технический, агрономический, лесной, земельных улучшений, статистико-экономический, культурно-просветительский, сметно-финансовый (бухгалтерия), и секретарская часть. Волостные земельные отделы состояли из коллегии во главе с председателем и канцелярии⁵⁴.

Таким образом, характер деятельности низовых земельных органов в течение 1917–1918 гг. на Европейском Севере России дает основание для выводов о том, что предшествующий строй аграрных отношений и общее направление аграрной политики в России

³⁸ ГААО. Ф. 1865. Оп. 1. Д. 143. Л. 1; Д. 149. Л. 140.

³⁹ ЦГА РК. Ф. 108. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 310, 311; Д. 32/16. Л. 64.

⁴⁰ ЦГА РК. Ф. 108. Оп. 1. Д. 2/18. Л. 236.

⁴¹ ЦГА РК. Ф. 108. Оп. 1. Д. 8/84. Л. 1–113.

⁴² ЦГА РК. Ф. 108. Оп. 1. Д. 2/18. Л. 204 об–242.

⁴³ ЦГА РК. Ф. 108. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 293–295 об.

⁴⁴ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 813. Л. 64.

⁴⁵ ЦГА РК. Ф. 108. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 310, 311; Д. 3/19. Л. 53–54.

⁴⁶ ЦГА РК. Ф. 108. Оп. 1. Д. 7/66. Л. 2-а.

⁴⁷ ЦГА РК. Ф. 108. Оп. 1. Д. 8/64. Л. 1–113.

⁴⁸ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 813. Л. 73; Д. 1194. Л. 69.

⁴⁹ ГААО. Ф. 1865. Оп. 1. Д. 136. Л. 35–38 об.

⁵⁰ ГАВО. Ф. 267. Оп. 1. Д. 4. Л. 73.

⁵¹ ЦГА РК. Ф. 108. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 88 об.

⁵² Краткий обзор деятельности Комиссариата земледелия Союза коммун Северной области (июнь–октябрь 1918 г.). Пг., 1918. С. 11.

⁵³ ЦГА РК. Ф. 108. Оп. 1. Д. 3/19. Л. 130.

⁵⁴ ЦГА РК. Ф. 108. Оп. 1. Д. 3/19. Л. 132–137 об.

обусловили своеобразие аграрного переворота, когда социально-политические тенденции превалировали над организационно-производственными.

Созданные Временным правительством земельные комитеты были призваны провести серию подготовительных мероприятий для предстоящей земельной реформы. На практике земельные комитеты явились действенным инструментом аграрной революции в интересах деревни: ликвидации земельной собственности и распределения земли на уравнительных началах. Пришедшие к власти в октябре 1917 г. большевики пошли на компромисс с деревней, сохранив земельные комитеты в роли самостоятельных крестьянских организаций, оставив им при этом прежние функции. Однако по мере усиления своего политического влияния в крестьянской стране и размежевания с эсерами, большевики последовательно «инкорпорировали» земельные органы в структуру Советов, с целью последующей реорганизации земельного строя.

Литература

1. Бляхер, Я. Современное землепользование / Я. Бляхер // Народное хозяйство СССР за 1923/4 год. IV статистико-экономический ежегодник. – Москва, 1924.
2. Иванов, Н.Д. Первые шаги к социализму / Н.Д. Иванов. – Сыктывкар, 1967.
3. История северного крестьянства. – Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1985. – Том 2. Крестьянство Европейского Севера в период капитализма.
4. Колотинская, Е.Н. Правовые основы советского земельного кадастра / Е.Н. Колотинская. – Москва, 1974. – Ч. 1.
5. Овсянкин, Е.И. Огненная межа / Е.И. Овсянкин. – Архангельск, 1997.
6. Першин, П.Н. Аграрная революция в России / П.Н. Першин. – Москва, 1966. – Кн. 2. Аграрные преобразования Великой Октябрьской социалистической революции (1917–1918 гг.).
7. Саблин, В.А. Аграрная революция на Европейском Севере России. 1917–1921. (Социальные и экономические результаты) / В.А. Саблин. – Вологда, 2002.
8. Саблин, В.А. Food Policy of White Power in the European North of Russia in the 1918–1920 years. Продовольственная политика Белой власти на Европейском Севере России в 1918–1920 гг. / В.А. Саблин // *Vylye Gody*. 2015. Vol. 37. Is. 3. С. 735–741.
9. Хитрина, Н.Е. Аграрная политика Временного правительства в 1917 году / Н.Е. Хитрина. – Нижний Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2001. – 382 с.
10. Шумилов, В.И. Великий Октябрь на Европейском Севере России / В.И. Шумилов // Вопросы истории Европейского Севера. – Петрозаводск, 1978.

Рецензент – Л.В. Изюмова, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории ВоГУ.

V.A. Sablin

LAND AUTHORITIES IN A NORTHERN VILLAGE DURING THE AGRARIAN REVOLUTION OF 1917–1918

The article provides an overview of the process of formation of land committees and their reorganization into structural divisions of local Soviets in the European North of Russia villages. The role of land authorities in the process of formation of the new agrarian system is traced. The political situation of the European North of Russia during the given period is studied. It also seems necessary to define the importance of local land authorities in the process of large-scale redistribution of the land in 1917–1918.

Land committees, land departments of the Soviets, agrarian revolution, the Bolshevik Party, the Party of Socialist-Revolutionaries (SRs), nationalization of the land, equalizing redistribution.